

СЕМАНТИКА РУБЕЖА, ГРАНИЦЫ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Семантика рубежа, границы имеет отношение к пространственному коду культуры, который непосредственно связан с базовой оппозицией «свой – чужой». В статье рассмотрены особенности русских и белорусских представлений о границе, рубеже между «своим» и «чужим» на примере русской и белорусской фразеологии.

Ключевые слова: фразеологическая картина мира, культурные коды, пространственный код, бинарные оппозиции, концептуализация.

Лингвистические исследования последних лет доказали, что «в сознании человека реальный мир представлен в той мере, в какой он представлен в языке. Каждый язык отражает окружающую действительность по-своему, тем самым создавая языковую картину, определяющую специфику национального мировидения» [1]. Язык становится все более ценным ориентиром при научном исследовании той или иной культуры.

Русская и белорусская фразеологическая картина мира (ФКМ) формировались в рамках собственного этносознания, они имеют свои особенности и отражают определенный способ восприятия и организации мира носителями языка. В ФКМ дается оценка означаемым ситуациям, рекомендация действий в различных ситуациях в соответствии с менталитетом народа. ФКМ понимается нами как фрагмент языковой картины мира (ЯКМ).

При анализе и сопоставлении фактического материала использовался типологический метод, предполагающий изучение близкородственных языков с акцентом на сходстве, вместе с тем могут обнаруживаться значительные различия [2, с. 248–249]. Специфика видна уже на уровне лексики. Значение разделения, границы в русском и белорусском языках репрезентируется в основном тремя лексемами *граница* / *граніца* (общеславянское), *рубеж* / *рубеж* (церковнославянская форма по отношению к *рубёж* – рубка леса), *межа* / *мяжа* (общеславянское), а также – *раздел* / *падзел*, *предел*, *грань*, *стык* / *стык*, *смык*. Все указанные лексические единицы восходят к общим источникам, однако так сложилось исторически, что наиболее употребительной в русском языке является *граница*, а в белорусском – *мяжа*.

Переносное значение ‘мера позволенного’ отмечается в словарных объемах лексем обоих языков, кроме русского слова *межа* (хотя следы указанной семантики находим в предлоге и приставке *между*, словах *промежуток*, *отмежеваться* и др.) и белорусских *граніца*, *рубеж*.

Обратимся к фразеологии. Ученые всегда вычленяли ее культурную составляющую. «Культурный след» во фразеологизмах традиционно выявлялся при семантическом анализе, который оснащался этимологическим и лингвострановедческим комментарием, и этого было достаточно, чтобы утверждать, что фразеологизмы – это особые вербальные знаки, наделенные «культурной памятью; фразеология аккумулирует в себе культуру прошлого и настоящего, дух народа» [1, с. 7]. Но в какой-то момент стало ясно, что «образно-ассоциативный комплекс, так или иначе входящий во фразеологическое значение, коннотирует с системой эталонов, стереотипов, символов, выработанных народным мировоззрением; что с помощью коннотаций осуществляется связь между фразеологическими знаками языка и духовной культурой народа» [1, с. 23]. В рамках подобного подхода в разряд фразеологии стала включаться паремиология, которая явилась источником ценного культурологического материала. В связи с изучением языка как «зеркала» культуры встала проблема эффективности культурного диалога, в котором большую роль играет понимание культурных кодов (телесного, предметного, кода одежды и др.).

Культурные коды восходят к глубинным слоям культурного пространства, они содержат древнейшие представления, архетипы, отражающие базовые оппозиции культуры. Известно, что человек в силу возможностей своего познания осваивает мир при помощи противопоставлений. Добро понимается через зло, объяснить, что такое правда оказывается невозможным, если не признать существование лжи и т. д. Все пространственные, временные, природные и общественные признаки, репрезентированные в дихотомиях, переплетаются, образуя так называемую модель мира какой-либо культуры. В процессе освоения мира, в ходе превращения его «из чужого, Хаоса в свой, Космоса в человека», по выражению В. Н. Топорова, как бы «набрасывает на окружающее систему-сетку двоичных противопоставлений (бинарных оппозиций)» [3, с. 25]. Метафора ученого стала популярной у современных исследователей, к примеру, В. Красных дает такое определение кода культуры: «Код культуры есть «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его» [4, с. 297].

Явления действительности осмысливаются как элементы некоторого ряда, вступающие в противопоставление с элементами другого ряда (*левый – правый, верх – низ, хорошо – плохо, свой – чужой, мужской – женский* и др.). Современная лингвистика доказала, что 10–20 пар таких базовых бинеров позволяют классифицировать практически все важные для человека предметы и явления.

Семантика рубежа, границы связана с *пространственным кодом* культуры, представленным в оппозициях *верх – низ, правый – левый*, часто коррелирующими с базовой оппозицией *свой – чужой*.

Образ границы всегда имел семиотическую значимость в жизни славян. Граница – это промежуточный мир, в пределах которого все равны друг перед другом и судьбой, это пограничная полоса, рубеж, разделяющий свое, знакомое, родное и чужое, непонятное и опасное. В русской и белорусской мифологии и фольклоре пространство представлено *по вертикали и по горизонтали*, доминантным является расположение *по горизонтальной оси*. Выделяются особые оппозиции *поле – лес*, где *поле* – промежуточный мир, *лес* – ближняя грань чужого мира, *родная земля – чужая сторона, жизнь – смерть*.

Мотив охранительной силы границы прослеживается, например, в обряде опоясывания храма, опахивание населенного пункта для предохранения людей и домашнего скота от мора, в ритуалах похоронного, свадебного и других обрядов [цит. по 5, с. 537]. Верования, мифология, традиции отразились во фразеологии, которая донесла сведения о них до наших дней. Следует, однако, отметить, что во фразеологии глубинные, архетипические, мифологические понятия о разделении пространства на свое и чужое перешли из разряда сакральное в разряд профанное и репрезентированы имплицитно.

Пространственный код кодирует представления о родной и чужой стороне, о мире живых и мертвых, о границах между мирами, все это связано с базовой оппозицией *свой – чужой*, соотносимой с архетипами сознания. Как свидетельствует наш материал, первый член оппозиции всегда маркирован положительно, а второй отрицательно. Такие коннотации иллюстрируют многочисленные русские и белорусские паремии: *Хвали заморье (чужую сторону), а сиди дома; За морем – веселье, да чужое, а у нас и горе, да свое; Смерть за порогом, за могильной чертой* и др. / *Дома і саломы ядома, а на чужыне і гарачы тук стыне; Чужая старана – цёмны лес* (эксплицирована оппозиция *дом – лес*) и др.

В некоторых белорусских паремиях репрезентировано *вертикальное* членение пространства: *У родным краю, як у раю (верх) – З'ехаў на чужыну, як зваліўся ў дамавіну (низ)*. В устойчивом выражении *Як трывога, дык да Бога* прослеживается апелляция к верхнему миру: т. к. верх сакрален, он предпочтительнее среднего мира, в котором обитает человек, та же сема во фразеологизме *Як у бога за дзвярыма* (дверь – граница, русское соответствие *Как у Бога за пазухой*).

Эксплицируем культурную информацию в русской и белорусской фразеологии по следующим аспектам:

1. Граница, рубеж между освоенным пространством и телом человека, с одной стороны, и внешним миром, который воспринимается и осознается как чуждый, враждебный, и позиция фиксации на рубеже – с другой;

2. Нарушение, пересечение границы своего тела: физическое состояние, этический, моральный, социальный аспект.

Границей, рубежом между телом человека и освоенным пространством чаще всего являются *порог, окно, дом, перекресток, труба, дверь, ворота, двор* и под., воспринимаемые как обрядовые места, где совершалась охранительная магия, это эталоны предела, границы между своим и чужим. В обоих языках отмечены паремии с подобным значением: *Стоять на пороге жизни; Только и ходу, что из ворот да в воду; Чужыя языкі не свае вароты – не зачыніш.* В них ясно прослеживается граница между жизнью и смертью: *Узка дверь в могилу, а вон и той нет; Бойся не бойся, а смерть у порога; Шырокія вароты на той свет, ды адтуль не выйсці.*

И в русской, и в белорусской фразеологии отражены мифологические представления о чужом пространстве как о месте обитания нечистой силы: *Я за порог, а черт поперек; У черта на рогах / У чорта на рагах; У черта на куличках: В тихом омуте черти водятся / У ціім балоце чэрці вядуцца*, о ее стремлении проникнуть в освоенное пространство человека, в его жилище, для этого и существовала защитная магия: *Заступи черту дверь, а он в окно; Не впускай зверя ни в окна, ни в двери; Зачыні чорту дзверы, дык ён у вакно; Заступі чорту парога, то ён у комін.*

Фразеология указывает границу не только между освоенным и неосвоенным пространством, но также между телом человека, по терминологии Дж. Лакоффа, М. Джонсона, *контейнером*, и окружающим миром [6].

В первую очередь, рассмотрим *эмоциональный аспект*. Нахождение в состоянии покоя, душевного равновесия, в *своем* пространстве, считается образцом в русской и белорусской культуре, однако показано это на примерах различных нарушений границы указанного состояния, что свидетельствует о некоторой «нормативности» *динамизма* физического и эмоционального состояния: *быть в себе – быть не в себе, держать в голове – выскочить из головы, лопаться от злости / лопання са злосці. выйти из себя / выходзіць з сябе, быть вне себя – приходить в себя / прыходзіць у сябе.*

В целом, нарушение границ связано с таким эмоциональным состоянием, которое влечет за собой беспорядок, нарушение нормальной мыслительной деятельности, волнение, возбуждение. «Границы в последнем случае эксплицируют наличие некоторой области, «себя» внутри субъекта (рус. *уйти в себя / сысці ў сябе, замкнуться в себе / замкнуцца ў сабе, погрузиться в себя / акнуцца ў сябе, углубиться в себя / паглыбіцца ў сябе*). Субъект может покинуть эту область и позже возвратиться. Передвижения наружу и снова внутрь чаще происходят под влиянием горя, гнева, отчаяния, возмущения, злобы» [7] и др., т. е. в основном при наличии негативных факторов. Понимание покоя во фразеологии создается путем сопоставления с состояниями беспокойства, обусловленными пересечениями границы себя в обоих направлениях.

Во фразеологии характеризуется и *этическая сторона жизни человека*. Граница очерчивает круг того, что дозволено, те нормы, установки, правила, которые приняты в данном культурном социуме. Образом края, границы, предела, грани обозначаются «рамки приемлемого, допустимого: *держат себя в границах, держат себя в рамках* – соблюдать нормы, правила поведения, вести себя сдержанно, благопристойно; *выходить из границ* – переступать меру дозволенного, установленного; *переступать черту* – нарушать правило, норму поведения, закон; *переходить всякие границы* – нарушать своим поведением меру дозволенного,

установленного, принятого в обществе» [7]. В современном белорусском языке тоже имеются подобные единицы, однако их меньше, часто это кальки русских выражений: *трымацца ў межах дазволенага, пераступіць мяжу, выйсці з рамак* и др.

Примером осуждения нарушения общепринятых норм, т. е. нарушения границ дозволенного является белорусский фразеологизм *у яго вераб'і ў шапцы* – ненормальный человек, по-русски *не все дома*. Внутренняя форма устойчивого выражения обусловлена славянской традицией, заключающейся в том, что мужчины, входя с улицы в помещение (переступив границу между своим и чужим пространством), должны снимать шапку. Нарушение этикета, по народному мнению, способствует опасному проникновению чужого пространства в своё. Позже связь с прототипической ситуацией была утрачена, и выражение стало употребляться как негативная характеристика человека вообще.

Жесткая фиксация на рубеже во фразеологии тоже оценивается отрицательно: «*между небом и землей / паміж небам і зямлёй* – 1. без жилья, без крова, без пристанища; 2) в неопределенном положении, состоянии (быть, находиться и т. п.), *на грани, на грани жизни и смерти*» [7] – крайний предел между переходом из хорошего положения в плохое. Заимствования *между молотом и наковальней / паміж молатам і кавадлам, между Сциллой и Харибдой / між Сцылай і Харыбдай* обозначают положение, в котором существует угроза с двух сторон.

Сопоставив русский и белорусский фактический материал, мы пришли к следующим выводам:

- русские и белорусские представления о рубеже, границе очень похожи, однако «язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета» [8, с. 177];

- фактический материал позволяет предположить, что мифологические мотивы отчетливее проявляются в белорусской фразеологии, где кроме горизонтального членения пространства представлено и вертикальное;

- фиксация на рубеже оценивается отрицательно, мифологические взгляды на границу как средний мир, место обитания человека во фразеологии не отражены;

- чаще русская и белорусская фразеология демонстрирует негативную реакцию, вызванную пересечением границы. Нарушение границы сулит неприятности и сопровождается негативными эмоциональными проявлениями и нарушением этических норм. Однако, несмотря на осуждающий, предостерегающий характер таких высказываний, нельзя не заметить, что именно пограничные состояния во время перемещения из своего в чужое и обратно наиболее концептуальны в обоих языках. Движение – это жизнь, тема пересечения границы, несмотря на опасность, привлекательна для людей с давних пор;

- материал демонстрирует известное положение о том, что русский язык сложился на книжной основе, белорусский – на народных говорах. Белорусские единицы *сысці ў сябе, прыходзіць у сябе* и под. – явные кальки русских выражений, а выражения */ паміж молатам і кавадлам, між Сцылай і Харыбдай* в современный белорусский язык, вероятно, заимствованы через русский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковшова, М. Л. Языковая и культурная специфика фразеологического знака: теоретические и методологические основы исследования / М. Л. Ковшова // Вопросы филологии. – М., 2006. – № 3. – С. 6–12.

2. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, 2009. – 344 с.
3. Топоров, В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд) / В. Н. Топоров // Очерки истории естественных наук в древности. – М.: Наука, 1982. – С. 20–35.
4. Красных, В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. Красных. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – Т. 2. – 697 с.
6. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С. 387–415.
7. Сабурова, Н. А. Категория пространства в русской фразеологии: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Н. А. Сабурова; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 2003. – 23 с.
8. Телия, В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173–204.
9. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
10. Даль, В. И. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: в 2 т. / В. И. Даль. – М.: Художественная литература, 1984. – Т. 1–2. – 383 с. – 399 с.
11. Лепешаў, І. Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы: у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1993. – Т. 1–2. – 590 с. – 607 с.
12. Прыказкі і прымаўкі: у 2 т. – Мінск: Навука і тэхніка, 1976. – Т. 1–2. – 557 с. – 614 с.

The semantics of the boundary is related to the spatial code of culture, which is directly related to the basic opposition «friend – foe». Particularities of Russian and Belarusian ideas about the border, the boundary between «friend» and «foe» are considered in the article by the example of Russian and Belarusian phraseology.

Keywords: phraseological picture of the world, cultural codes, spatial code, binary oppositions, conceptualization.